

А

КРЕСТОВСКИЙ, Всеволод Владимирович [11(23).II.1840, с. Малая Березайка Таращанского у. Киевской губ.-- 18(30).I.1895, Варшава] -- прозаик, поэт, журналист. Происходил из старинного дворянского рода, дед и отец служили в уланах. Учился в Петербурге в 1-й гимназии (1850--1856) и два года на историко-филологическом факультете университета. Еще в IV классе гимназии начал писать стихи и рассказы. В 1857 г. в журнале "Общезанимательный вестник" опубликованы перевод оды Горация "К Хлою" и рассказ в стихах "Без дочери". Университетский друг Д. И. Писарева, К. был увлечен либеральными идеями. Одновременно он сближается с А. А. Григорьевым и Л. А. Меем. Уйдя из университета, учебу в котором было трудно совмещать со все более активной литературной деятельностью, К. сотрудничает в ряде журналов разных направлений: в "Русском слове" и "Искре" (знакомство и дружеские отношения с Н. И. Кролем, В. С. Курочкиным), в "Светоче" (кружок А. П. Милюкова, где он, видимо, познакомился с А. Н. Майковым и бр. Достоевскими), во "Времени" и "Эпохе", "Отечественных записках" и "Библиотеке для чтения" и, наконец, в "Русском вестнике" (в числе его друзей и знакомых -- Н. С. Лесков, Д. В. Аверкиев, К. К. Случевский). Выступает прежде всего как поэт и чтец-исполнитель своих произведений (пользовались популярностью "Весенние ночи", "Сан-Яго" и "Полоса"), а также автор психологических рассказов ("Бесенок", "Пчельник", "Сфинкс", "Погибшее, но милое создание") и очерков из петербургского быта ("Петербургские типы", "Фотографические карточки петербургской жизни"). Но еще в 1858 г. К. становится свидетелем уличного происшествия, которое дало толчок к замыслу большого романа "Петербургские трущобы" (См. авторское предисловие к нему.) Созданию книги предшествовало изучение судебных архивов, домов бедноты (в частности, знаменитой "Вяземской лавры") и воровских притонов с помощью пристава К. К. Галахова и будущего начальника петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина. О посещении К. притона "Малинник" существует воспоминание Н. С. Лескова (Крестовский В. В. Собр. соч.-- Т. 1.-- С. XI--XII). Использованы были и некоторые, известные современникам, скандальные и криминальные факты и случаи из светской жизни. Поэтому "в тогдашнем обществе, в высшей степени заинтересованном этим романом, не прекращались горячие толки о действующих в нем лицах, многих из героев романа называли прямо по именам" (Марку-з е И. К. Воспоминания о Крестовском.-- С. 984). Успех романа (первая публикация -- "Отечественные записки", 1864--1866) объяснялся не только такого рода актуальностью, но и увлекательностью авантюрного сюжета. Критика сразу же причислила К. к продолжателям Э. Сю; сам автор в одной из первых глав называет "Лондонские тайны" А. Треллопа, финал истории Маши напоминает "Даму с камелиями" А. Дюма-сына. Но литературное происхождение многих мотивов не мешает им одновременно иметь жизненные истоки. Так, в путешествии графа Каллаша по подземному каналу (ср. аналогичные эпизоды в "Отверженных" В. Гюго) можно ощутить отзвуки личных впечатлений К. как участника официальной комиссии, обследовавшей подземелья Варшавы в связи с польским восстанием 1863 г. Эти же события в Польше оказались для К., как и для многих других, испытанием, которого его поверхностное свободомыслие не выдержало. Начался постепенный поворот к политическому консерватизму и националистическому патриотизму, выразившийся впоследствии в создании романов "Панургово стадо" (1869) и "Две силы" (1874). К. подчеркнул связь между ними, объединив их в диологию "Кровавый пуф" (1-е изд.-- 1875 г.). В первом романе участники революционного движения 60 гг. представлены марионетками в руках т. н. "польской интриги", якобы спровоцировавшей крестьян на требования "заправской" воли, а власти -- на применение силы. Во втором -- подавление польского восстания изображено как исторически справедливая развязка многовековой борьбы двух антагонистических наций: подзаголовок диологии "Хроника о новом смутном времени Государства Российского" призван уподобить движение шестидесятников "смуте" начала XVII в. Грубая тенденциозность обоих романов вызвала крайне отрицательную реакцию прогрессивных кругов и упреки в односторонности и преувеличениях со стороны литераторов, идейно близких К. На рубеже 60--70 гг. произошли два события, вызвавшие шум вокруг имени К.: поступление 28-летнего и уже довольно известного писателя на военную службу -- шаг, причины которого и до сих пор неясны и который "возбудил против него такое ожесточенное гонение в печати, как будто он сделал какой-либо противообщественный поступок" (Берг Ф. В. В. Крестовский.-- С. 356) -- и скандальный бракоразводный процесс. Дальнейшая жизнь К. пошла по совершенно иной колее: из литератора богемно-либерального типа он становится официозно-патриотически настроенным журналистом, поэзию совсем оставляет, а в его беллетристике с течением времени все больше сказывается воздействие идеологии и вкусов военной среды. Зато во внешней жизни писателя вполне реализуется его склонность к авантюрам и жажда новых впечатлений. Будучи зачислен (с июля 1868 г.) в уланский Ямбургский полк, К. вскоре получает поручение написать его историю (издана в 1873 г.). Затем следует перевод в гвардию с аналогичным поручением. Выполнение их приносит повышение в чинах и благосклонность высших властей. Параллельно писались очерки из жизни кавалеристов, роман "Вне закона" (1873), историческая повесть "Деды" (1876). В декабре 1876 г. К. направляется в штаб действующей армии в качестве корреспондента